Российский Дальний Восток

Чукотка: новая модель развития Дальнего Востока?

© 2015

В. Заусаев

В статье рассматриваются основные тенденции развития субъектов российского Дальнего Востока. Приведенные сравнительные данные по Чукотскому автономному округу и Еврейской автономной области, а также Хабаровскому краю, которые подтверждают парадоксальные тенденции: южные субъекты Дальнего Востока, расположенные в наиболее благоприятных климатических условиях, на границе с быстроразвивающимися странами и имеющие более диверсифицированную и инновационную экономику, существенно проигрывают северным регионам в области экономической эффективности.

Ключевые слова: северные и южные регионы Дальнего Востока, макропоказатели, сравнительные оценки, сценарии развития.

Пережив лихое начало рыночных реформ, в 2000-х годах Дальний Восток начал восстанавливаться. Благоприятная конъюнктура внешних рынков на сырьевые товары усилила его экспортную специализацию. Регион занял ведущие в России позиции по экспорту в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) изделий военного машиностроения, круглых лесоматериалов, нефти и газа, рыбы и морепродуктов. Индексы валового регионального продукта (ВРП), промышленного производства и инвестиций в основной капитал устойчиво росли.

Складывалось ощущение, что экономика региона вступила на путь поступательного роста. Но по эффективности дальневосточное хозяйство существенно проигрывает другим федеральным округам. Так, по производительности труда (с корректировкой по ценовому фактору) Дальний Восток занимает четвертое место. Если же исключить влияние нефтяных проектов Сахалинской области, то регион скатывается на предпоследнее место. По отдаче инвестиций наблюдается снижение. В принципе для региона пионерного освоения это естественно. Но, если рассматривать перспективные возможности Дальнего Востока для интеграции России в АТР, то необходимо значительное повышение его эффективности и конкурентоспособности на основе наращивания демографического, инфраструктурного и инновационного потенциалов.

Но именно здесь кроются фундаментальные угрозы. Главным негативным последствием вхождения региона в рынок стала снижение численности населения. Дальний Восток — лидер по этому показателю среди регионов страны. За период 1990–2014 гг.

Заусаев Вадим Константинович, доктор экономических наук, профессор, директор ДальНИИ рынка при Минвостокразвития России (г. Хабаровск). E-mail: market@inst.khv.ru.

выбытие составило 1853 тыс. чел., или 23%. В России были в абсолютном отношении потери и выше (Сибирский и Поволжский округа), но в относительном исчислении — равных Дальнему Востоку не было. Подобные тенденции для окраинных территорий пионерного освоения — смерти подобны.

Ухудшаются некоторые структурные соотношения. Экономика приобретает гипертрофированную сырьевую специализацию. Только с 2005 по 2013 гг. доля отраслей по добыче полезных ископаемых в промышленности выросла с 45,5 до 66,2%. Это же касается экспорта. Если в 2000 г. доля машинотехнической продукции была 16,1, то в 2005 г. — 3,6, а в 2013 г. — 1,9%.

Начала складываться поляризация в социально-экономическом развитии северных и южных субъектов Дальнего Востока. С использованием методики ПАТТЕРН-анализа проведено их сравнение по 24 социально-экономическим показателям, свидетельствующее, что лидерство переходит к северным субъектам. По структуре экономики с преобладанием сырьевого сектора, с учетом существенно сократившегося населения, они становятся более приспособленными к требованиям рыночного хозяйства. Дефицит трудовых ресурсов покрывается временным населением, использованием вахтовых методов обеспечения производства. Сравнение динамики развития субъектов Дальнего Востока по основным макропоказателям, также показывает существенное преимущество северных территорий (рис. 1).

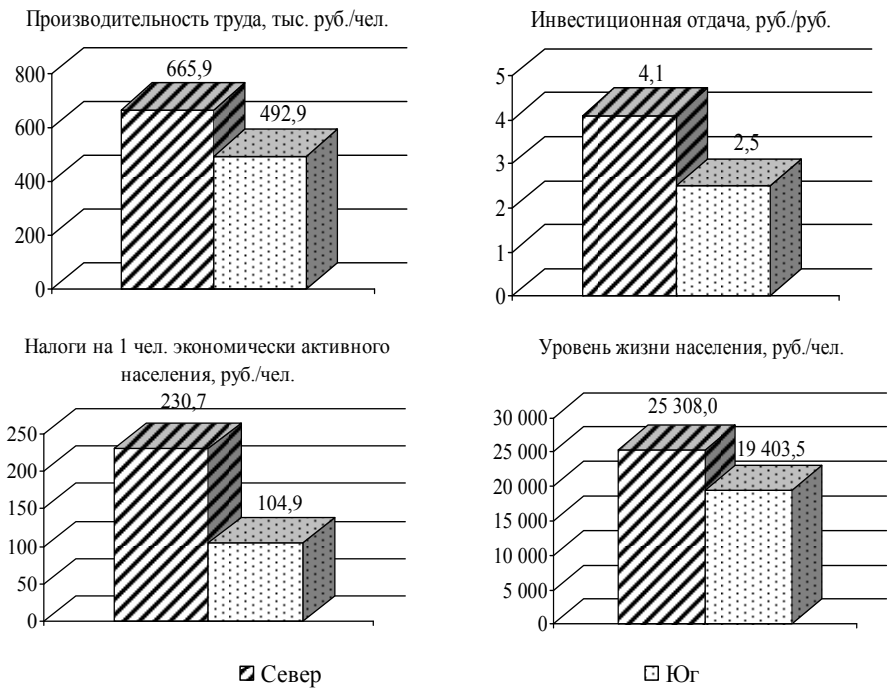

Рисунок 1. Средние значения основных макропоказателей российских субъектов Дальнего Востока за 2009–2012 гг.

Наиболее показательно сравнение двух диаметрально противоположных как по географическому положению, так и экономической структуре Чукотского автономного округа (ЧАО) и Еврейской автономной области (ЕАО). Располагаясь в худших природно-географических условиях, потеряв более 2/3 населения (107 тыс. человек), Чукотка, тем не менее, имеет лучшую динамику и существенно более высокие макроэкономические

показатели (рис. 2). Здесь к минимуму сведены малоэффективные отрасли. На сельское хозяйство в 2012 г. приходилось 1,5% валовой добавленной стоимости, обрабатывающие производства — 0,2%, в то время как в Еврейской автономной области, соответственно, 8,9 и 4,8%. По добыче полезных ископаемых картина обратная: 35,2 и 0,5%. В результате в 2014 г. индекс промышленного производства к 2013 г. составил в ЧАО 134,2% против 115,6% в ЕАО.

В не менее сложном положении оказался Хабаровский край. Формировавшийся как центр индустриального развития региона, он до настоящего времени сохранил наиболее крупный потенциал перерабатывающих отраслей. Их выработка на душу населения в 2013 г. составила 85,8 тыс. руб. против 68,2 в среднем по Дальнему Востоку. Здесь сложился уникальный и единственный на всей восточной территории промышленно-инновационный центр — г. Комсомольск-на-Амуре, сконцентрировавший высокотехнологичные перерабатывающие производства.

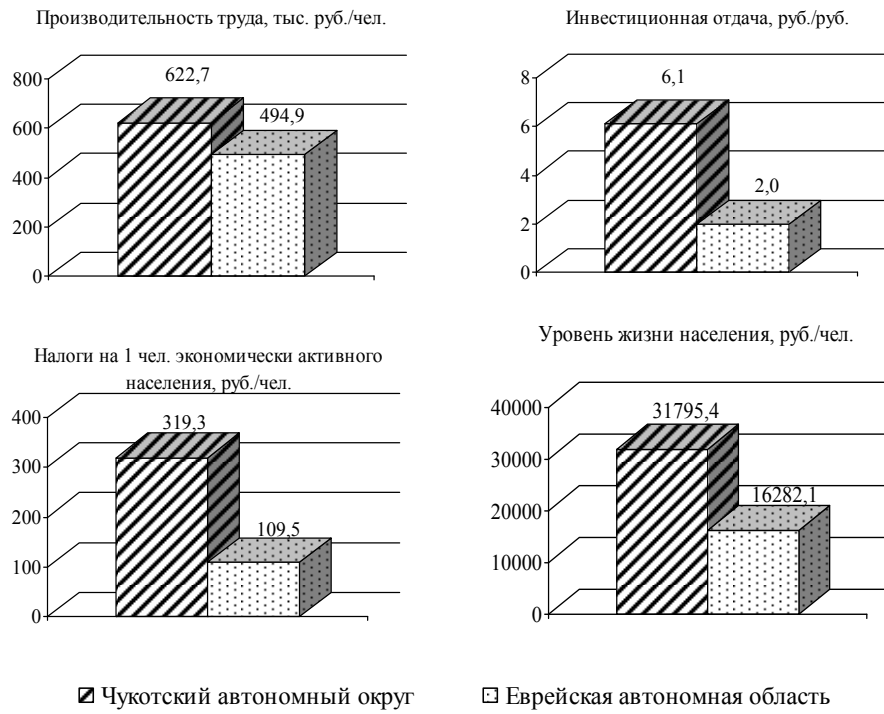

Рисунок 2. Средние значения основных макропоказателей Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области за 2009–2012 гг.

К сожалению, в настоящее время эти потенциальные преимущества играют противоположную роль. Перерабатывающий сектор со своими незагруженными мощностями и низкой эффективностью тяжелым бременем ложится на экономику края.

Снижаются темпы роста основных макроэкономических показателей. Так, среднегодовые индексы ВРП составили в 2000–2002 гг. 108,7, 2003–2005 гг. — 104,6, 2006–2008 гг. — 103,2, 2009–2012 гг. — 103,0%. Уменьшается отдача инвестиций (прирост ВРП на 1 руб. инвестиций в основной капитал): 1,27, 0,61, 0,45 и 0,41 руб./руб. В результате доля Хабаровского края в Дальнем Востоке по важнейшим показателям снижается.

Рентабельность активов и проданных товаров неустойчива и имеет скорее понижательную тенденцию.

Ухудшается финансово-экономическое состояние. В 2013 г. убытки составили 18,6 млрд руб. или 41,4% от дальневосточных. Основные сектора экономики (транспорт и связь, обрабатывающие производства, строительство, сельское хозяйство, производство и распределение электрической энергии), на которые приходится половина валовой добавленной стоимости Хабаровского края, имели в 2013 г. убытки в размере 16,8 млрд руб. Как в абсолютном значении, так и по доле их в экономике Дальнего Востока динамика неблагоприятная.

Особенно угрожающая ситуация складывается в обрабатывающей промышленности. За 2005–2013 гг. убытки здесь выросли с 2,1 до 11,2 млрд руб., а доля в регионе — с 53,9 до 83,3%. В результате сальдированный финансовый результат края в 2013 гг. был в целом хотя и положительный, но незначительный (5,2 млрд руб.) и составлял 34,9% от показателей Приморского края и 10,9% — Республики Саха (Якутия). Самовоспроизводственные возможности экономики Хабаровского края ограничены, что сдерживает ее модернизацию.

Таким образом, складывается довольно парадоксальная ситуация. Южные субъекты Дальнего Востока, расположенные в наиболее благоприятных климатических условиях, на границе с быстроразвивающимися странами и имевшие более диверсифицированную и инновационную экономику, теряют свой потенциал.

Можно говорить о «выдавливании» экономики на север, усилении сырьевой специализации и сокращении постоянного населения. Доводя эти тенденции до логического конца, можно ожидать сокращения населения в обозримой перспективе до 4,0–5,0 млн человек. Это соответствует сырьевой модели развития Дальнего Востока. Станет реальностью передача его отдельных территорий в долгосрочную аренду (концессию) сопредельным странам, которые сделают акцент на иностранных инвестициях, рабочей силе, технике. А это уже геостратегические риски.

В этой связи правомерен вопрос: для чего нужен России Дальний Восток? Из ответа на него вытекает концепция (руководящая идея) и сценарий развития региона.

Укрупненно можно рассматривать три цели, концепции и, соответственно, сценария развития российского Дальнего Востока.

Первая цель — **усиление экспортной специализации** с минимальными для России издержками, обеспечение страны наиболее дешевыми (малозатратными) валютными ресурсами. Ей соответствует инерционный сценарий с усилением китайского акцента. Широкое распространение получат концессионные отношения. Они коснутся наиболее масштабных месторождений нефти и газа, железной руды, угля и других природных ресурсов. Крупнейшие иностранные корпорации станут главной движущей силой развития региона. Это демонстрируют шельфовые проекты Сахалина. Открытие внутренних инвестиционных и товарных рынков приведет не только к форсированному поступлению значительных иностранных капиталов, но и росту импорта готовых товаров, свертыванию недостаточно конкурентоспособных местных перерабатывающих производств. Расширится использование иностранной рабочей силы. Местное население не сможет конкурировать с ней, что усилит его отток. Повсеместное распространение получат вахтовые методы организации работ. По сути экономического развития эта модель близка современной Чукотке. Возрастут геостратегические риски, снизится управляемость региона со стороны российского государства, создадутся предпосылки для экономической потери Дальнего Востока. Но благодаря концессионным платежам, а они будут наиболее эффективными исходя из соотношения «результаты-затраты», Россия получит значительные финансовые ресурсы для решения с меньшими социальными издержками стоящих перед ней проблем. Эту задачу Дальний Восток уже решал в 60–70-е годы, когда страна нуждалась в валюте для освоения нефтяных месторождений Западной Сибири

и прокладки трансконтинентальных трубопроводов. И она была решена, благодаря чему Россия за счет нефти и газа пережила тяжелые годы рыночных реформ.

Вторая цель — **Дальний Восток — плацдарм для массированного вхождения России в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона.** Достижение ее возможно при движении по национально-либеральному сценарию. Он базируется на усилении транзитной роли региона, диверсификации внешнеэкономических связей (Китай, Япония, КНДР, Республика Корея и др.). Концессионные отношения получат ограниченное развитие в целях недопущения рисков геостратегического характера. Они будут ориентированы на долговременные российские интересы. Осуществятся масштабные транспортные проекты «Европа — АТР (Япония)», а также нефтегазовые трубопроводы «Дальний Восток — АТР». Драйвером здесь выступит Сахалин с железнодорожными мостами на материк и о. Хоккайдо (Япония). Создание «евразийского моста» — высокоскоростного прямого железнодорожного пути через Сахалин «Япония — Россия — Европа» — уменьшит срок прохождения грузов до 10 суток. Строительство на юге острова тепловой электростанции на парогазовых установках и передача электроэнергии по подводному кабелю станет основой энергомоста «Сахалин—Япония». В дальнейшем к нему может быть подключена Тугурская приливная электростанция. Свое место в этом сценарии найдут нефтеперерабатывающие, нефте- и газохимические предприятия, воспроизводство и использование на интенсивной основе биоресурсов моря и леса.

С точки зрения эффективности этот сценарий будет уступать предыдущему в силу ограниченности концессионности, привлечения иностранных инвестиций и большей социальности. Поэтому необходима новая модель внешнеэкономического сотрудничества. Так, учитывая исторический опыт Японии в освоении южной части Сахалина и выше названные проекты, ее можно формировать на базе сопряжения островной и японской экономик. Это позволяет области стать центром интеграции (зоны интенсивных контактов) Российского Дальнего Востока и Японии, и рассматривать ее как пилотный проект создания в других субъектах региона, например, в Камчатском крае, подобной зоны экономического сотрудничества.

Претерпит существенные изменения система расселения на Дальнем Востоке. Политика государства будет нацелена на сохранение постоянного населения на юге региона и использование вахтовых методов организации работ на севере. Это позволит экономить на социальной инфраструктуре, концентрируя ограниченные ресурсы на приграничных территориях России.

Реализовать этот сценарий будет не просто в силу необходимости проведения тонкой политики, не допускающей скатывания в первый сценарий.

Третья цель — **превращение Дальнего Востока в будущий драйвер российской экономики.** Она базируется на идее высокой потребности в будущем (во второй половине XXI века) сопредельных государств не только в традиционных природных ресурсах, но и в пресной воде, пространстве для размещения возобновимых источников энергии (солнечных, ветровых приливных и др.), экологически чистом животном белке (биологические ресурсы моря). Российский Дальний Восток эту потребность удовлетворить способен. Сделать это, не нанося ущерб безопасности нашей страны, возможно при реализации патерналистско-инновационного сценария развития макрорегиона. Однако он требует значительных государственных вложений в качественную модернизацию экономики. Реализация долгосрочных проектов в области нефте- и газодобычи, транзитного транспорта, магистральной трубопроводной сети, лесной, угольной и рыбной промышленности должна идти на принципах устойчивого природопользования, чтобы сохранить конкурентоспособность наших ресурсов. Это потребует интенсификации воспроизводства возобновляемых природных ресурсов, развития перерабатывающих производств, в том числе на основе иностранных инвестиций и «технологического трансферта», обеспечивающих конкурентоспособность продукции на внешних рынках.

Развитие производственной и социальной инфраструктуры, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунальной сферы обеспечит создание трудового потенциала нового качества. При стягивании его на наиболее благоприятные по условиям проживания территории возрастает роль юга региона как места размещения больших и малых селитебных центров. Живя в наиболее обустроенных местах, их население будет работать по всему Дальнему Востоку, в том числе и на вахтовых принципах.

Повышенная затратность этого сценария обусловлена формированием и наращиванием на Дальнем Востоке постоянного населения. Это требует не только повышения качества жизни посредством реализации масштабных экономических проектов, но и непосредственной его поддержки. Основными из них являются:

– увеличение размеров дальневосточных надбавок и выплата их из федерального бюджета;

– бесплатное высококачественное медицинское обслуживание;

– бесплатное высшее образование в рамках Дальневосточного региона;

– дотация в размере не менее 50% стоимости строительства жилья и коммунальных расходов;

– бесплатный проезд один раз в год в западные регионы страны.

Цена подобных мероприятий высока и превышает для Дальнего Востока 1,5 трлн руб. в год. Поэтому они должны реализовываться постепенно. Важно обозначить вектор и прописать его в специальном Федеральном Законе «Об особом статусе развития Дальнего Востока». Тогда жители увидят ориентир отношения государства к региону и смогут с учетом его строить здесь свою жизнь.

В реальности движение Дальнего Востока будет иметь собирательный сценарий и содержать в той или иной степени элементы всех сценариев. Но, исходя из политической воли, преимущество будет иметь один из них. Едиными для всех сценариев фундаментальными факторами развития являются природно-ресурсный потенциал Дальнего Востока, его географическое положение на стыке суши и океана и территориальная близость быстроразвивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона. Геостратегическим фактором, которым нельзя пренебречь при формулировании концепции, является и то, что на Дальнем Востоке проходит зона соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира, которым не хватает либо пространства, либо ресурсов, либо зон влияния. Поэтому как никогда созвучны слова Президента России В.В. Путина (пресс-конференция, 18 декабря 2014 г.) о претензиях некоторых стран на наши сибирские территории со словами П.А. Столыпина из речи в Государственной Думе 31 марта1908 г.: «Если у нас не хватит жизненных соков на зарубцевание всех нанесенных России ран, то наиболее отдаленные части ее могут безболезненно и незаметно отпасть, и мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу за то, что пали духом, впали в бездействие, в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы»[1].

1. URL: http://dugward.ru/library/stolypin/stolypin_rech_v_3_gosdume_31mrt1908.html.